

ВООРУЖЕННАЯ БОРЬБА УКРАИНЦЕВ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ В 1944-1960 ГОДАХ: ФОРМЫ, МЕТОДЫ, ОСНОВНЫЕ МОМЕНТЫ ВОСПРИЯТИЯ ЭТОГО ЯВЛЕНИЯ

Тарас КОВАЛЕВИЧ,

аспирант кафедры новейшей истории Украины
Львовского национального университета имени Ивана Франко

Summary

The article examines some issues on the activities of Ukrainian nationalists in war and postwar periods through the course of confrontation with their main enemies. Also right next to the main theses that were asserted here, very little-known moments from the history of the liberation movement in Ukraine of the mid-twentieth century were mentioned. The provided facts assist in comprehension of this durable struggle and the consequences it had in the people's consciousness both in Ukraine and abroad.

Key words: OUN, UPA, anti-soviet resistance, nationalistic underground, NKVD, Ukrainian nationalism, soviet propaganda.

Аннотация

В статье рассматриваются некоторые вопросы деятельности украинских националистов в военный и послевоенный период через ход противостояния с их главными противниками. Также вместе с основными тезисами, что отстаиваются здесь, затронуты и в целом малоизвестные моменты с истории освободительного движения в Украине середины XX века. Наведенные факты позволяют постигнуть хотя бы основное из характера этой продолжительной борьбы, а также из тех впечатлений, которые она наложила на сознание граждан как в самой Украине, так и за её пределами.

Ключевые слова: ОУН, УПА, антисоветское сопротивление, националистическое подполье, НКВД, украинский национализм, советская пропаганда.

Постановка проблемы. За годы независимости тема послевоенного вооруженного сопротивления советской власти, возглавляемого украинскими националистами, стала одной из ключевых в сфере национального самосознания украинцев. Последние события, которые потрясли Украину, только лишний раз в этом убеждают. Также существенное влияние на восприятие прошлого и нынешнего эта тема, безусловно, оказывает и в некоторых соседних государствах. Особенно это касается той части населения, среди которой штампы советской пропаганды так и не нашли серьёзной конкуренции в виде альтернативных исторических исследований.

Актуальность темы состоит в том, что, несмотря на огромную работу, проделанную в этом направлении украинским историческим сообществом после развала Советского Союза, спрос на обобщение основных моментов этой страницы истории, на наш взгляд, все же еще сохраняется высокий. Несмотря на сотни монографий и томов документальных сборников, и столько же, если не больше, статей, в тени остается и обзор стереотипных представлений об исследуемом вопросе, их нагромождению в послевоенном советском и постсоветском пространствах.

Состояние исследования. Среди авторов, которые так или иначе претен-

дуют на обобщающий взгляд на украинское освободительное движение или исследуют этот вопрос сквозь призму стереотипов, следует назвать коллектив львовских историков, авторов книги «Украинская повстанческая Армия. История непокоренных» [1], а также историков и журналистов с Украины и России: И. Ткаленка [2], Р. Голька [3], К. Александрова [4], К. Федевича [5].

Целью и заданиями статьи является аккумуляция основных данных, которые читатель должен знать об украинском освободительном движении или с помощью которых может углубить свои знания. Новизна заключается в выделении нескольких главных для нынешней оценки аспектов относительно Организации украинских националистов (далее – ОУН) и Украинской повстанческой армии (далее – УПА) и в их детальном анализе. Также немаловажным будет тот момент, что иностранный читатель о большинстве приведенных фактов узнает, возможно, впервые.

Изложение основного материала. Начнем с рассмотрения утверждений о массовости или её отсутствии в борьбе украинцев за независимость в послевоенный период. В сознании людей и до сегодня существуют абсолютно противоположные относительно этого взгляды. Одни своеобразной точкой опоры имеют упоминания о «стае пато-

логических головорезов» и «остатках отравленных вражеской пропагандой элементов», другие же отталкиваются от терминов «всенародный сдвиг» и «национальная революция».

Чтобы действительно чётко определить форму массовости в тогдашнем сопротивлении сталинскому режиму, следует обратиться к непосредственным статистическим данным. Немало из этих цифр являются опубликованными, и на их основании можно сделать некоторые выводы.

Как утверждают исследователи, специфика отношений между государством-оккупантом, которое присоединяет к себе некую территорию, и населением этой территории выглядит достаточно интересно. Символически, что разработкой этой методики подсчётов относительно разных партизанских движений занимался полковник КГБ В. Боярский [6]. Десять процентов населения, согласно его данным, сразу идут на сотрудничество с оккупантом, принимая позицию силы. Около 20% решаются на более или менее активное сопротивление новой власти и её порядкам. Остальные же – абсолютное большинство жителей – занимает пассивную выжидательную позицию, пытаясь обезопасить собственную жизнь и жизнь своих родных. То есть если обобщить – любое освободительное движение, направленное против

намного более сильного противника, может считаться массовым, если в нем задействована приблизительно такая доля активного населения, как указано выше.

За перепись населения 1931 года в предвоенной Польше этнические украинцы насчитывали около 6 млн чел. Понятные демографические изменения военного времени – депортации первого советского периода (1939–1941 годов), вывоз людей для работы в Германии, часть из которых не вернулась, гибель многих украинцев (как в вооруженных силах Рейха, так и в Красной Армии) – могли эту цифру несколько изменить, но разве что в отрицательную сторону.

В то же время советские документы скрупулезно подводят итоги, что за время с 1944 по 1952 год погибло 155 тыс. участников сопротивления. Кроме этого, за указанный период было арестовано почти 104 тыс. человек. Также в течение 1944–1952 годов из западных областей в отдаленные районы СССР депортировали 203 тыс. людей. За советской терминологией это были «бандпособники», преимущественно члены семей бойцов движения сопротивления, а также их активные помощники.

Более того, даже в 1972 году органы КГБ фиксировали проживания только лишь на территории УССР, соответственно, 132 тыс. бывших членов ОУН и УПА и 75 тыс. в 1981 году.

Как видим, в движении сопротивления сталинскому режиму так или иначе приняло участие около полумиллиона человек. Из них, по некоторым данным, только через боевой состав УПА за годы противостояния прошло от 100 до 300 тыс. человек [7, с. 13]. Для упомянутых менее чем 6 млн имеющихся на этих территориях украинцев это по настоящему большая цифра.

Все это движение советские документы, как правило, обозначали термином «ОУН-УПА», который с их страниц переместился в современную историографию и утвердился там. Конечно, тесная связь националистической организации и повстанческой армии особых возражений не вызывает, но все же вряд ли между ними можно ставить знак равенства. Ведь даже далеко не все повстанцы были членами ОУН или теми, кто был хорошо ознакомлен со всеми постулатами интегрального

национализма, так же как и не все подпольщики этой организации пребывали в подчинении повстанческих структур. И даже черно-красный флаг, что неизменно ассоциируется с повстанцами, был только партийным флагом ОУН(б). Бойцы же УПА присягали и боролись, как правило, под национальным синезелтым знаменем, значительно реже используя первый.

Непосредственно повлияли на кристаллизацию форм и методов деятельности украинского подполья его отношения с немцами: когда последние занимали территорию Украины, а потом оставляли её. Эта тема, как, наверное, никакая другая, подвергалась и подвергается различным спекуляциям, не остановиться на ней более детально никак нельзя.

К началу 1943 года немецкий оккупационный режим на территории украинских земель, особенно в рейхскомиссариате «Украина» стал настолько жестоким, что выступление против него уже скорее вопросом времени. Именно сильные антигерманские настроения населения Волыни и Полесья побудили националистов к ускорению первых вооруженных акций против объектов оккупантов. И как раз в этой противонемецкой борьбе и начала образовываться вся структура повстанческой армии, которая к концу года оформилась в мощную освободительную силу.

Вся активная борьба ОУН и УПА против гитлеровцев повлекла за собой как минимум несколько тысяч жертв с обеих сторон противостояния. Некоторые подсчеты современных украинских историков дают цифру почти 12 тыс. чел. безвозвратных потерь Германии и её союзников в результате партизанской войны против них со стороны УПА [8]. Только установленных боевых столкновений с немцами насчитано почти три тысячи [9]. Массовым притеснениям и репрессиям начало подвергаться мирное население Волыни и Полесья, которому оккупанты мстили за поддержку националистических партизан. Последние в этой «малой войне» достигли немалого эффекта, практически полностью освободив от оккупантов ряд территорий и введя на них украинскую администрацию. Речь идет об повстанческих республиках, которые просуществовали немалый промежуток време-

ни (самые известные – это Колковская и Антоновецкая, а также «Волынская Сечь»). Большинство из этих республик было захвачено немцами только в ноябре-декабре 1943 года, а некоторые продержались вплоть до начала 1944 года. В целом же вооруженное противостояние УПА с оккупантами не вызывает никаких возражений в научных кругах, ведь подтверждается множественными документальными источниками. Свидетельства масштабы этой борьбы, кроме собственно документов украинских повстанцев, содержатся в отчетах практически всех её основных противников: немецкого командования, советских партизан, а также польского подполья.

Однако в советское время, как правило, вся антинемецкая деятельность националистов отвергалась и отрицалась как факт. В свою очередь акцент делался исключительно на сотрудничестве этих сторон. Поэтому и этот вопрос нельзя оставлять без краткого обзора.

Даже когда в 1944 году отступление немецких войск с Украины стало очевидным, а взаимовыгодность нейтралитета между ними и УПА все более целесообразной, налаживание каких-то контактов произошло далеко не сразу. Максимум, что было надо УПА и руководству ОУН, – получить некоторое количество оружия и снаряжения, а также добиться освобождения своих лидеров из заключения в концлагерях. Немцы же стремились подчинить себе повстанческие силы для ведения разведывательной и диверсионно-подрывной работы против советской армии. Как показывал опыт, эффект такой работы в исполнении самих гитлеровцев весьма страдал. И чем больше немецкое командование получало информации о столкновениях УПА с подразделениями НКВД, тем больше усиливало попытки наладить с повстанцами выгодное для себя сотрудничество. Даже требовало в отдельных моментах показательно декларировать перед украинцами свою лояльность, в частности, к их суверенным стремлениям, а также акцентировать на отсутствии каких-либо колониальных претензий относительно украинских земель.

Но эти попытки достигли понимания на протяжении весны-осени 1944 года затягивались. Кроме первоначального,

понятного расхождения в стратегических целях, в торможение этого процесса вмешивался и ряд других, более мелких факторов. Это и значительные споры внутри руководства ОУН и УПА относительно целесообразности таких контактов, меры своего участия в них, и разногласия с этого же вопроса между разными структурами Рейха. Они в большинстве случаев завязывались на высоких личных амбициях руководителей этих структур, которые противоречили друг другу: среди тогдашнего руководства нацистского государства такие проявления вообще были достаточно распространенными.

Так или иначе, полностью достичь намеченных результатов не удалось ни одной из сторон. Немецкая армия, которая стремительно отступала, частично могла получать нужную ей информацию от действий УПА в тылу, но чего-то большего (например, совместной координации действий против частей Красной армии) получить, конечно, не могла. Со своей стороны, переговорщики от украинского освободительного движения смогли «выторговать» разве что часть освобожденных с немецкого заключения соратников и некоторое количество полученного позже оружия и материально-технического обеспечения, что, в принципе, все равно не покрывало общих потребностей повстанцев в этом плане. Цифры в десятки тысяч единиц, которые с документов советских органов госбезопасности массово переместились на страницы сначала пропаганды, а потом и исторических трудов, очевидно завышенные и сейчас активно подвергаются сомнению со стороны исследователей [10, с. 167]. Подобные вещи, конечно, массово распространялись и в советских кинолентах: с изображением воинов УПА в немецкой форме, или с немецким оружием в руках. Да и собственно вся повстанческая армия огульно провозглашалась чуть ли не детищем немецких спецслужб, но подобные утверждения не выдерживают верификации даже немецкими источниками. Например, советский кинематограф приучил зрителя к восприятию воина УПА почти исключительно с МР-40 на плече. Этот пистолет-пулемет, безусловно, находился на вооружении у повстанцев. Но как минимум десятки доступных теперь фотографий

«бандеровцев» свидетельствуют, что советские образцы вооружения у них (ППД-40, ППС-41, ППС-43, ДП-27) в своем количестве не уступали немецким, а то и преобладали. Как ни странно, это почему-то не стало никаким предлогом для обвинения украинских партизан в пособничестве еще и «советам».

Если же подвести итог, то очевидно, что для Вермахта существование в тылу наступающих советских войск мощного антикоммунистического сопротивления было объективно выгодным даже и без наличия какого-либо сотрудничества с ним. Однако все попытки склонить руководителей этого сопротивления к действиям, что больше бы отвечали интересам Германии, а не самого украинского движения, повторялись, были обречены на неудачу.

Весомым и символическим свидетельством участия украинских националистических партизан в антинацистском сопротивлении народов Европы стало также спасение ими от немецкой расправы пленных солдат и офицеров из оккупированных Рейхом стран. Такая судьба постигла, к примеру, десятерых голландских офицеров, которые сбежали со Станиславского шталага-371 в январе 1944 года. Во время этапирования все они сумели выпрыгнуть из товарного поезда, надеясь добраться до родной страны через Венгрию, которая официально не пребывала в положении войны с Королевством Нидерланды. Избежав германской охраны, голландцы очень быстро оказались в руках УПА, что практически контролировала окружающую местность. Не зная сначала, чего ожидать, иностранцы позже вспоминали свою встречу с повстанцами. «Мы были поражены. Что нам нравилось, так это то, что они, как и мы, были против немцев» – делился воспоминаниями один из офицеров К. Хартевелд [11]. Местные руководители и бойцы УПА, кроме этого, организовали им транспорт и недельный запас продуктов на продолжительный маршрут по зимним Карпатам. Через много лет эти, в основном молодые, лейтенанты стали генералами королевской армии Нидерландов, а некоторые из них поддерживали связи со старыми знакомыми – «бандеровцами» – и в эмиграции. В частности, Э. ван Хотегем даже написал воспоминания под названием «Моя встреча с УПА»,

которые посвятил умершему незадолго до этого подполковнику УПА И. Бутковскому, который встретился тогда на их пути, а также другим бойцам и командирам УПА [11].

Представители других национальностей пребывали и непосредственно в отрядах украинских партизан. Там можно было встретить россиян, белорусов, грузин, казахов, венгров, итальянцев, бельгийцев. Волей случая, оказавшись в повстанческих рядах, эти люди, как правило, оставались там, проявляя свою солидарность к борьбе украинцев. А некоторые, более того, рассматривали участие в сопротивлении советскому режиму сквозь призму борьбы за суверенитет своей собственной угнетенной этим режимом страны. Находили свое место в УПА и едва ли не наиболее пострадавшие от Второй мировой войны представители еврейского народа, что во многом опровергает тезис о зяблом антисемитизме украинских националистов. Исполняя не только врачебные функции, но и сугубо военные, кое-кто из евреев остался в подполье до конца, отдав свою жизнь за независимость Украины.

Следующее, что заслуживает рассмотрения, это деятельность националистического подполья и партизанских отрядов вне Западной Украины, а также изменение форм борьбы за независимость в условиях советской оккупации.

Практически все изменения, которые затронули методы деятельности партизан и подполья, можно найти в трех тактических схемах: «Дажбог», «Орлик» и «Олег». Они были разработаны руководством сопротивления в 1945–1946 годов и дополнялись в соответствии с условиями в последующие годы.

Схема «Дажбог» предусматривала приспособление подполья к новым сложным испытаниям и максимальное сохранение человеческих кадров. Основные детали, которые этот план в себя включал, – это минимизация вооруженных акций, создание мощной легальной сети из участников подполья, устройство их на работу в местные органы власти и срыв каких-либо мероприятий по советизации региона. Эта сеть активно работала и в коммунистической партии, и в комсомоле.

Близкой по целям была тактическая схема «Олег». Она акцентировала вни-

мание на привлечении к борьбе местной молодежи – создании своеобразного молодежного резерва. И следует отметить, что в ряды подполья ежегодно набиралось немалое количество неопитов – от нескольких сотен до 2 тыс. человек. Как правило, претендент должен был пройти многочисленные обучающие курсы. От их прохождения и зависело, останется он в ранге «симпатизирующего», или станет действительным членом подполья. Изучения сельского парня должно было продолжаться не менее 2 месяцев, воспитания – 4 месяца, городского жителя же – вдвое дольше (4 и 8 месяцев соответственно). О мощности и размахе деятельности молодежного крыла националистов свидетельствуют хотя бы цифры разоблаченных организаций из молодежи. Так, с начала 1948 года до середины 1949 года это 561 организация из почти шести с половиной тысяч членов [12, с. 180]. Несмотря на то, что советские органы госбезопасности любили фабриковать похожие дела, дописывая к этим цифрам абсолютно посторонних людей, все же вышеуказанное позволяет понять, насколько серьезными и масштабными были старания подполья в этом направлении.

Распространение и усиление идей украинского национализма, а также деятельности ОУН и УПА на Восток от реки Збруч (граница Западной и Центральной Украины) было заданием последней из этих схем – «Орлик». За ней было закреплено создание такой же сети и кадрового обеспечения среди тамошнего населения, а также развертывание разведывательной и пропагандистской работы. Понятно, что масштабы деятельности здесь подпольных структур не стоит сравнивать с западными областями, но утверждение о полном отсутствии подполья на Востоке тоже не выдерживает критики. По данным советских правоохранительных органов только в 1946 году здесь было зарегистрировано 80 терактов, действовали хорошо законспирированные ячейки. За 1944–1946 годы на Приднепровье было арестовано почти 3 тысячи членов ОУН. Больше всего – в так называемых краевых проводах Киева (644 человека) и Днепропетровска (342) [13, с. 153]. В 1952–1953 годах в восточном регионе было ликвидировано 9 молодежных оуновских групп.

В многочисленных инструкциях организации относительно работы на Востоке разрабатывался территориальный принцип деятельности: отдельные проводы закреплялись за определенными областями и соседними республиками. Например, Крымская область, что принадлежала РСФСР, закреплялась за Станиславским окружным проводом. А в захваченных МГБ документах провода «Запад-Карпаты», в частности в тактических указаниях на 1950 год, говорилось о привлечении звеньев провода к работе на Кубани и Кавказе [12, с. 181]. Согласно с некоторыми неполными данными на протяжении 1944–1946 годов повстанческие отряды совершили 15 масштабных боевых операций в Каменец-Подольской, Винницкой, Житомирской, Киевской, Черкасской и Полтавской областях, то есть на достаточно широкой территории за пределами Западной Украины.

Чтобы достичь качественно нового представления о националистической организации, в частности, и среди восточнороссийского населения, частью руководства была даже осуществлена попытка на базе ОУН создать новую организацию. Она получила название НОРО (Народно-освободительная революционная организация) – отчетливый отголосок общей «революционной» риторики националистов. Это было также достаточно интересным моментом в деятельности подполья: постоянные попытки «бить» по наиболее распространенным лозунгам советской власти о всесторонней «революционности», «прогрессивности» установленного ею «самого справедливого строя». Упор на популизме этих утверждений был неизменным, как и уверенность реализовать каждое из них на деле – со своей стороны.

К примеру, в основе положений, принятых той же НОРО, – классические схемы социал-демократического построения экономики, за которыми государству должны были принадлежать механизмы регулирования и перераспределения национального богатства. Конечно, это было ориентировано на дальнейшее расширение социальной базы поддержки движения, которая не должна была ограничиваться в основном сельскими жителями Западной Украины. Очевидно, планировалось шире заинтересовать этим и

городскую интеллигенцию, рабочих и служащих без каких-либо региональных рамок. К примеру, вот как отчитывались органы госбезопасности о деятельности небольшой группы УПА на территории Сумской области: «Кроме того, на 21 декабря 1944 года бандой также намечалось произвести налет на склад заготзерно находящегося в с. Волковцы Роменского района и имеющееся там зерно раздать населению. Все награбленное имущество и продукты питания бандой было роздано населению, которое сочувственно относилось к ним и оказывает всяческую поддержку» [14, с. 71]. С самого начала деятельности УПА на Воляни были сорваны мероприятия немецкой администрации в аграрной сфере, в частности вывоз продукции в Германию. Сохранились также данные о приказе Главной команды УПА раздать украинским крестьянам землю, что стала свободной после бегства крупных собственников. Созданная в 1944 году Украинская главная освободительная рада (верховный орган борьбы за независимость) провозглашала плюрализм форм земельной собственности, не навязывая ни одну из них.

Но не только наличие такого консолидирующего центра делало сопротивление украинцев советской власти таким, что подпадает под характеристики классического партизанского движения. Сама повстанческая армия находилась под командованием одного человека (главнокомандующего), имела свою определенную организационную и территориальную структуру. Также её бойцы носили военную форму и знаки различия. Это и многое другое автоматически утверждало их статус как воюющей стороны в вооруженном конфликте согласно с нормами международного гуманитарного права [6]. Украинская повстанческая армия в первичных документах своих противников во время борьбы с ней обозначалась именно как военная структура, несмотря на все более поздние попытки маргинализировать освободительное движение разными малопривлекательными терминами. Кроме этого, подполья было основательно разработано и имплементировано собственную систему организационного (ОУН) и военного (УПА) судопроизводства. Она содержала в себе целую систему раз-

личных наказаний за проступки или преступные действия, в частности, и против мирного населения.

Не будет лишним добавить, что советская власть даже соглашалась на официальные переговоры со всячески клейменным ею «бандподпольем», и которые даже состоялись в начале марта 1945 года. На них встретились члены Центрального провода ОУН и легендарные под членов правительства УССР офицеры НКВД. Последние стандартно предлагали сложить оружие в обмен на гарантии жизни и неприкасаемости, в другом случае угрожали разными наказаниями. Повстанческие же парламентарии делали акцент на том, что стремятся к восстановлению реального суверенитета Украины. Этой главной стратегической цели и были подчинены все наличные формы борьбы украинских партизан, и советская власть прекрасно была с этим ознакомлена и осознавала это, несмотря на всю свою негативную риторичку.

Выводы. Мощное и хорошо организованное сопротивление установлению тоталитарной власти со стороны националистических украинских сил включало в себя целый ряд базовых моментов, без которых не смогло бы действовать в принципе. Их хотя бы краткий обзор очень важен, ведь почти все они поддавались большему или меньшему искажению, а то и полному нивелированию в советский период, и наоборот, культивировалось абсолютно гипертрофированное представление тех факторов в существовании освободительного движения, которые имели далеко не определяющий характер.

Список использованной литературы:

1. Українська Повстанська Армія. Історія нескорених / В. В'ятрович, Р. Грицьків, І. Дерев'яний, Р. Забілій, А. Сова, П. Содоль. – Львів : Центр досліджень визвольного руху, 2007. – 352 с.
2. Ткаленко И. Прощение... Прощение... // Страсті за Бандерою: статті та есеї / упоряд. : Т. Амар, І. Балинський, Я. Грицак. – К. : Грані-Т, 2010. – С. 70–74.
3. Голик Р. Радянська влада та український визвольний рух у Галичині в контексті ідеологічних стереотипів / Р. Голик // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Вип. 22 : Українська повстанська армія в контексті національно-визвольної боротьби народів Центрально-Східної Європи. – Львів, 2012. – С. 191–208.
4. Александров К. Бандера: постскриптом «москальского» историка / К. Александров // Страсті за Бандерою: статті та есеї / упоряд. : Т. Амар, І. Балинський, Я. Грицак. – К. : Грані-Т, 2010. – С. 75–89.
5. Федевич К. Бандера глазами простых россиян / К. Федевич // Страсті за Бандерою: статті та есеї / упоряд. : Т. Амар, І. Балинський, Я. Грицак. – К. : Грані-Т, 2010. – С. 121–127.
6. Веденеев Д. УПА і норми міжнародного гуманітарного права / Д. Веденеев [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.istpravda.com.ua/articles/2012/10/13/96716/>.
7. Веденеев Д. Меч і тризуб. Розвідка і контррозвідка руху українських націоналістів та УПА (1920–1945) / Д. Веденеев, Г. Биструхін. – К. : Генеза, 2006. – 408 с.
8. Патриляк І. Українські націоналісти проти гітлерівської Німеччини. Рух опору / І. Патриляк [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.istpravda.com.ua/articles/2014/05/8/142834/>.
9. За війну УПА знищила більше 12 тисяч німців – історики [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.istpravda.com.ua/short/2014/05/6/142775/>.
10. Боляновський А. Національний рух опору і відступ Вермахту з українських земель (літо-осінь 1944 р.) / А. Боляновський // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Вип. 22 : Українська повстанська армія в контексті національно-визвольної боротьби народів Центрально-Східної Європи. – Львів, 2012. – С. 141–171.
11. Бігун І. Голландці в УПА. Як утікачі з концтабору знайшли прихисток у повстанців / І. Бігун [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.istpravda.com.ua/research/2013/07/17/130834/>.
12. Веденеев Д. Післявоєнна еволюція стратегії, тактики, організаційно-функціональної побудови озброєного руху опору під проводом ОУН(б)в Західній Україні / Д. Веденеев // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Вип. 22 : Українська повстанська армія в контексті національно-визвольної боротьби народів Центрально-Східної Європи. – Львів, 2012. – С. 172–182.
13. Щур Ю. «На грані двох світів»: український націоналістичний рух на Наддніпрянщині (1920–1955 рр.) / Ю. Щур. – Запоріжжя : Просвіта, 2011. – 200 с.
14. ОУН-УПА на Сумщині : в 2-х т. / автор-упор. Г. Івануценко. – Суми, 2009. – Т. 2. – 232 с.